

мать друг о друге и о прошлом добре: «Знайте же, что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома». Тем самым наше сегодняшнее положение в истории будет тем более русским, чем бескорыстнее и радостнее мы примем все то доброе, что вообще было в нашем историческом прошлом – вне зависимости от политических и религиозных воззрений, – просто постольку, поскольку у нас нет другой истории. Нравственными и концептуальными же ключами к осмыслению этой истории должна быть русская литературная традиция, традиция русского слова – единственная подлинно онтологическая традиция русского сознания, заменившая нам мифологию и эпос и, так, *copula* русской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров, Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. – СПб.: Академический проект, 1999. – 400 с.
2. Гриффитс, Ф. Т. Третий Рим. Классический эпос и русский роман (от Гоголя до Пастернака) / Ф. Т. Гриффитс, С. Д. Рабинович. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. – 336 с.
3. Зеньковский, В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. – Ленинград: Эго, 1991. – 221 с.
4. Ильин, И.И. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. – М.: Книга, 1990. – С. 328–355.
5. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс – Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
6. Непомнящий, В.С. Пушкин. Русская картина мира. – М.: Книжный клуб, Книговек, 2019. – 688 с.
7. Хамахер, В. *Minima philologica*: 95 тезисов о филологии; За филологию. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020. – 216 с.

Доклад 24.

Русская идея как смысл социальной жизни: социально-философские основания современного патриотизма

Ольга Андреевна Бонч-Осмоловская

Кандидат исторических наук, м.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, старший преподаватель НИУ ВШЭ СПб, руководитель научно-учебной лаборатории по изучению классического Востока *Laboratorium Orientale* (на базе НИУ ВШЭ).

Мне бы хотелось в моем докладе поговорить не столько об определении русской идеи, потому что русская идея определяется уже достаточно давно, обсуждается давно. Много было высказано очень хороших трактовок, предложено определений видными русскими мыслителями, философами. Мне бы хотелось даже и не предложить еще одно, а скорее обратиться к другой проблеме, на мой взгляд, сейчас стоящей достаточно остро, и вся эта проблематика, к сожалению, в последнее время совсем не доходит до широких масс нашего общества, к сожалению, не встречает большой поддержки от населения, скажем так. И хотелось бы проанализировать, почему это так. Наверное, хорошим был бы вопрос, обсуждали ли русскую идею когда-то вообще за пределами кругов интеллектуальной элиты России. Наверное, и нет, это было справедливо и для прошлого, и, в принципе, до сих пор так остается.

Но ситуация сейчас несколько другая, мы находимся в состоянии войны, и сейчас как никогда нужна какая-то консолидация общества и стремление к какой-то единой цели. И именно то, что мы сейчас этого не находим в России, вызывает и опасения, и действительно некоторую неопределенность в плане нашего будущего. И мне бы хотелось в связи с этим начать с постановки проблемы. Совершенно очевидно, что и в России, и в мире наблюдается целенаправленная девальвация ценностей патриотизма, ценности какой-то единой идеи вообще, конструктивной идеи чего-либо, коллективного ли, индивидуального ли, неважно. Оно всё сейчас фрагментируется и подается как нечто очень даже разменное. И в том числе остро стоит проблема понятийного, категориального аппарата философского и социального анализа. Ну, например, того же феномена патриотизма. Потому что мы на самом деле до сих пор не выработали настоящей риторики, которая бы доходила до

ушей слушателей, до широких масс российского общества, и не просто доходила, а была бы встречена, понята и поддержана.

Я работаю в Академии наук и преподаю в разных университетах. И надо сказать, у меня достаточно либеральное окружение. И в этом окружении уже довольно давно патриотизм считается словом практически ругательным. Но это-то ладно, скажем так, либеральная общественность в принципе всегда тяготела к определенным антипатриотическим настроениям, но меня в последнее время удивляет, что даже наши патриотично настроенные друзья зачастую говорят, что патриотическую культуру и вообще сам патриотизм мы не любим. Я просто задалась вопросом, а почему так происходит, что, даже если человек стоит на фактически патриотических позициях, сам по себе патриотизм может вызывать у него некоторое отторжение.

Если посмотреть на то, как осмысливается патриотизм в кругах западной социальной философии, то вообще-то мы найдем последовательную деконструкцию традиционного образа патриота. Я специально для этого доклада, да и в принципе заинтересовавшись этой темой, немножко посмотрела, как анализируется и как подается патриотизм как таковой в трудах западных социальных философов. Надо сказать, что у них есть определенный козырь в рукаве. Потому что очень часто они начинают свои работы, ссылаясь на Льва Николаевича Толстого. К сожалению, он когда-то написал такой труд «Христианство и патриотизм», в котором прямо говорил что патриотизм – это вообще отречение от человеческого достоинства, разума и совести и рабское подчинение себя власти имущим. И вот это слово не кануло в Лету, а наоборот, теперь в современных уже работах западных социальных философов, например А.Ч. Макинтайра, используются такого рода риторические ходы, где говорится, что патриотизм – это вообще никакая не добродетель. То есть, в принципе, если мы стоим на позициях морального суждения, то эти моральные суждения должны быть безличностными, они должны основываться на принципах разумного выбора. Любовь, будь то к Родине или к человеку, к определенной идее – это просто аффект, и, соответственно, его нужно осознать и от него уйти. Профессор Чикагского университета Пол Гомберг сравнивает патриотизм с расизмом и обосновывает тем, что установка патриотизма в основном делает акцент на этническом и национальном шовинизме. Это так подается. И наконец, приведу последний третий пример: у Дж. Кейтеба есть работа, которая называется «Патриотизм и другие заблуждения». Где, конечно же, патриотизм подается как моральное заблуждение, вызванное психическим смятением человека.

Я думаю, что сейчас нет никакой необходимости продолжать дальше этот список, но его можно продолжить, и обзорная работа на эту тему есть, и не только обзорная. В принципе, можно обратиться собственно к первоисточникам, почитать. И в таком случае можно построить, скажем так, определенное противопоставление, что с чем здесь сталкивается. Мне кажется, что совершенно очевидно здесь сталкиваются два таких социальных типа. Первый – аффектированный патриот, который оценивается однозначно негативно – это человек, который привержен определенной идее, любит свою страну, готов ее защищать. И противопоставит ему современный, модный, рассудочный гражданин мира, человек, который, в принципе, готов переехать из одной страны в другую, особенно понятие Родины ему не близко, патриотизм для него это как раз аффект. Можно продолжать, дойдем до проблемы трансгуманизма, тоже остро стоящей в современности.

Это тот социально-философский контекст, которому мы сейчас противопоставим, и нам на самом деле мало есть что противопоставить этому. Потому что нужно понимать, что наши подрастающие мыслители, философы то есть, не те, кто учатся на гуманитарных специальностях. И наша культура, наша патриотическая повестка все эти десятилетия не заботилась тем, чтобы противопоставить этому что-то и внедрить в культуру это на таких базовых уровнях, чтобы оно звучало актуально, современно, вообще было бы обращено на что-то кроме прошлого.

Здесь мне бы хотелось поставить вторую проблему. И задать следующий вопрос. Я в связи со всем этим стала смотреть, как позиционируют себя наши современные патриотические или околопатриотические организации. Какие они ставят задачи для своей деятельности? Например, у «Росмолодежи» есть патриотическое подразделение, у них есть шесть задач, и три из шести этих задач направлены на сохранение исторического наследия и на память о воинской славе России и т. д. Остальное на самом деле это общие слова о поддержке патриотической деятельности. И вопрос возникает сложный, наверное, это один из ключевых вопросов моего доклада. Может ли патриотизм вообще быть направлен не на прошлое, а на будущее?

С одной стороны, безусловно, социальная память позволяет аккумулировать социальный опыт. Историческая память совершенно необходима, она позволяет осознать сопричастность истории своей страны, и то, что делается для сохранения исторической памяти, совершенно правильно делается, это необходимо. Сейчас огромная проблема, что молодежь не знает историю своей страны или знает ее, к сожалению, в интерпретации недружественных нам идеологий. В связи с этим хочет-

ся сказать и процитировать, например, Бердяева, который совершенно правильно говорил, что память – это вообще вечное онтологическое начало, образующее основу истории. Это все, безусловно, так, но, на мой взгляд, и, по-моему, эта практика сейчас подтверждается, только на основании сохранения исторической памяти невозможно дать новую мечту о будущем. То есть когда мы говорим о русской идее, мы в основном обращаемся к тому, как оно было до этого. Как до этого формулировали русскую идею, что, как, кто, когда говорил о русской идее. Ну и немножечко все-таки занимаемся историей философии. Хотя все-таки мне кажется, что, когда мы говорим о теоретическом аспекте русской идеи и далее о практическом ее воплощении, например, формировании ее образа, формировании образа России, какой-то патриотической деятельности, нам необходимо конструировать, добавлять эту самую мечту о будущем. Патриотизм все-таки не может быть направлен только на сохранение прошлого. Нужно добавлять дискурс о будущем России дополнительно. Здесь мы подходим к этой самой проблеме общенациональной идеи, ее формулировки и методах донесения до народа.

Собственно идея этого доклада родилась как раз в ходе наблюдения за новыми реалиями, в которых молодежь либо уезжает из страны или прямо говорит, что она ненавидит свою страну. Женщина зачастую занимает позицию «сделаю все что угодно, только бы своего мужчину спасти от армии, спасти от какой-то опасности», и это совершенно нормальное общечеловеческое проявление заботы и эмоций. Но опять же в ситуации войны, в ситуации общенациональной угрозы что делать? Ведь получается, что какая-то часть нашего населения упущена, она даже не понимает, зачем мы вообще обсуждаем здесь какую-то русскую идею.

Наверное, если мы говорим о патриотизме, о таком его деятельном проявлении в социальной жизни человека, нам необходимо еще обратиться к другому понятию, а именно к понятию жертвы и жертвенности. И проблема заключается в том, что понятие жертвы оценивается исключительно негативно в современном мире. Я уже говорила о том, что патриотизм сам по себе оценивается крайне негативно, во всяком случае, на Западе, опять же не у всех.

Но существует определенная интеллектуальная повестка, она озвучивается в научных журналах, в статьях, на конференциях. Так или иначе образуется определенный культурный фон. Это опять же влияет на образовательную программу и т. д. Безусловно, есть из этого исключения. Но, когда мы начинаем размышлять предметно о том, что такое патриотизм, как его понять, из чего он состоит, действительно не обойти это понятие жертвы, что человек чем-то жертвует во имя чего-то, и это

благородная жертва. Но, учитывая современные культурные, интеллектуальные реалии, приходится признать, что жертвенность как таковая оценивается крайне негативно. Почему? Потому что человек современный привык жить в исключительно комфортных условиях. (Да, конечно, где-то люди живут не так комфортно и не в таком достатке.)

Однако жертвенность в целом понимается рассудочным, фрагментарным миром, привыкшим уже к этой эвтаназийной культуре, как некоторые лишения непонятно во имя чего, непонятно ради чего и как какая-то обида, я бы сказала. То есть жертва не нужна никому. И жертвовать чем-то во имя страны, государства, идеи тем более (к тому же само понятие идеи фактически деконструировано) никому не хочется. И это навело меня на мысль о том, что если мы как-то хотим выстраивать определенный диалог, доносить некоторые смыслы русской идеи до населения, до народа, то нам необходимо обратиться к методам, к тому, как мы собираемся это делать. То есть определенные интерпретационные практики, проблема понимания вообще, в принципе, должна выходить сейчас на первый план. Пока этого не происходит; надеюсь, что это будет меняться постепенно.

Я задумалась над тем, что наши интерпретационные практики год от года беднеют в своем методологическом аппарате. Потому что сейчас, если посмотреть на плакаты, которые висят на улицах наших городов или те же лозунги, которые транслируются по телевизору или по каким-то другим каналам коммуникации, они выглядят очень топорно. И дело даже не в том, что они несут какие-то неправильные смыслы. «Служу Отечеству» – это прекрасный смысл.

Однако же они в своем «буквализме» и прямоте не встречают никакой поддержки. Люди, которые воспитаны уже совершенно в другой идеологической парадигме (нужно признать, что у нас все-таки культурная повестка в первую очередь либеральная), не понимают, что от них хотят этими лозунгами. И лозунги, наоборот, представляются чем-то враждебным скорее.

Я по своей основной специальности китаевед и занимаюсь конфуцианской экзегетикой. Но я интересуюсь не только китайской, но и, например, библейской экзегетикой. Я думаю, что слушатели как раз с китайской экзегетикой сталкивались редко. Поэтому я приведу примеры из более общей культурной парадигмы. В библейской экзегетике для того, чтобы интерпретировать одно слово или некий образ из Священного Писания, из Библии еще в Средневековье было четыре основных метода: буквальный смысл, аллегорический, морально-антропологический и анагогический (символический). И представьте себе, что для

одного слова, образа можно привести целых четыре совершенно разные интерпретации, четыре разных варианта понимания и, соответственно, объяснения того, что здесь написано. И вот это богатство, вариативность интерпретации меня, конечно, восхищает. И мне подумалось, не применить ли это к нынешним реалиям (возможно, частично, с оговорками, безусловно, это нужно еще обдумывать, но почему бы нет). Нам необходимы определенно более интересные варианты для того, чтобы объяснять, что сейчас происходит. Объяснять, что такое русская идея, что такое Россия, что такое отечество. Необходимо пояснять эти концепты, понятия: Родина, патриотизм.

И вот мне кажется, что самый ориентированный на будущее это анагогический (символический) вариант толкования, как тот, который в первую очередь говорит об идеальном измерении. То есть как оно должно быть на самом деле. Здесь пример можно привести простой Иерусалим в анагогическом толковании интерпретировался как град божий. Представьте себе в два совершенно разных измерения – буквальный и анагогический, или символический.

К чему я сделала это отступление? К тому, что нам необходимы сильные образы, нам необходимы символы, настоящие символы, которые найдут отклик в сердцах современных людей, которые уже очень избалованы яркими образами, очень привыкли к красочной картинке. Плакатами какими-то тоже уже никого не удивишь. Нам нужно то, что действительно покажет современному человеку, что он может вместе с этим выйти в какое-то будущее. У меня возникла такая параллель: у Бернарда Клервоского, средневекового монаха и экзегета, был очень красивый образ, он сравнивал монастырь с градом, который сражается в ночи, когда остальные спят, монахи сражаются с врагом рода человеческого, молятся и защищают людей от этой напасти.

Если мы говорим о ключевых понятиях, которые нужно сейчас пояснять: русская идея, Родина, патриотизм и т. д., – я бы посоветовала подчеркивать именно этот образный ряд. Родину можно было бы сравнить с «градом сражающимся», это на самом деле то, что сейчас происходит. Это град, который мы все вместе строим, и сейчас он сражается. Мы обороняемся, мы ведем войну. Мы сражаемся за наше будущее. И в данном случае эта борьба, патриотизм, патриотическая деятельность – это не просто какая-то абстрактная, благородная деятельность или даже военная деятельность, просто за свое Отечество, это буквально защита права на жизнь в будущем. Это защита на право жизни «идеи», которую мы отстаиваем, в том числе русской идеи. И здесь нужно подчеркивать, что патриотизм неоднороден, он разный. Он имеет разные

проявления. Сейчас плакаты часто вводят людей в странное состояние непонятности. Происходит это потому, что патриотическая деятельность интерпретируется для всех одинаково. К примеру, «Служу Отечеству», но ведь мы все служим по-разному, кто-то действительно воюет, себя проявляет на фронте, погибает героически, но кто-то остается в тылу, и этот кто-то тоже патриот, и он тоже очень много делает. Об этом я еще в конце своего доклада поговорю.

Второй аспект этого вопроса. В этом образном ряду, «сражающемся граде» нашей Родины историческая память очень важна. Но нужно выстраивать образ будущего, и наша деятельность, в том числе патриотическая, в первую очередь должна быть направлена именно на это – на то, чтобы дать людям представление о будущем.

Я бы хотела еще так аргументировать эту мысль. Я довольно много общалась с теми, кто уехал или уезжал из России. И вы знаете, почти ни от кого я не услышала «я ненавижу прошлое России» или «я ненавижу Россию такой, какой она была раньше». Все они говорили о том, что не видят будущего в этой стране, не видят, как дальше здесь жить. Здесь мы и подходим к ключевой проблеме.

Проблема не в том, что мы все забыли наше историческое прошлое. Проблема, к сожалению, в том, что мы не выстраиваем наше историческое будущее. Нет образов, которые бы действовали. И нет, соответственно, деятельности, которая бы это поддерживала. И, переходя собственно к разговору о русской идее, хочется также еще подчеркнуть, что идея как таковая – это ведь всегда некоторая потенция. Идея никогда до конца «здесь и сейчас» не воплощается. Идея – это всегда разговор о будущем. Поэтому, когда мы говорим о русской идее, сложно сказать что вот сейчас мы ее здесь уже видим, построим, определим точно, дадим ей какое-то полное описание. Вряд ли это возможно, но возможно через эту русскую идею выстраивать определенные разговоры о том, как оно будет, и поэтому мне кажется, что идея – это всегда определенная потенция. К сожалению, именно об этом сейчас разговоров не очень много. И еще мне бы хотелось подчеркнуть следующее.

Когда в современном обществе говорят про социальную деятельность, патриотическую, то совершенно не разделяют деятельность. Ну, скажем так, мужскую и женскую, и в этом аспекте, мне кажется, что мы забываем о том, что нужно всегда говорить с разными целевыми аудиториями по-разному. Всегда нужно с разными категориями нашего социума выстраивать особенный язык общения. Очень многие мужчины, не очень многие, но, скажем так, определенное количество мужчин уехало, например, в Грузию или в Армению, и женщины

зачастую их в этом поддерживали. Мы тут видим новую проблему для русской идеи: женщина, которая должна была бы быть носителем традиции, традиционного знания о родине и патриотизма, перестает выполнять свои функции, перестает выполнять по многим причинам, и они, на мой взгляд, абсолютно понятны. И проговорены мною ранее. То есть это просто западная идеологическая программа, которая нивелирует, во-первых, всю разницу между мужчиной и женщиной, между их проявлениями в обществе. Потому что все же равны, правильно? И в патриотизме то же происходит. Мужчины и женщины проявляются вроде как одинаково, но это не так. Потому что обычно все-таки именно мужчина уходит воевать, именно мужчина осуществляет этот акт, скажем так, деятельного патриотизма.

Но здесь есть определенная разница, когда человек берет и уходит на фронт, готов в определенной ситуации пожертвовать своей жизнью ради своих идеалов, родины, семьи. Женщина остается его ждать, молиться за него. Это не значит, что она не патриот, не значит, что она не делает что-то. Наоборот, у нас проблема сейчас именно в том, что женщины поменялись и свою деятельность, наоборот, направили фактически на то, чтобы поддерживать мужчин не вести патриотическую деятельность. То есть их функционал по передаче традиционного знания перевернулся вверх ногами. Вместо передачи знания о Родине у нас получается передача знаний о том, как родину можно предать. Если не предать, то, во всяком случае, разменять ее на что-то еще. А здесь уже недалеко, в общем-то, и до предательства.

Сейчас я здесь не буду разворачивать эту тему. Хотя, на мой взгляд, она тоже очень важная, и о ней тоже сейчас редко говорят. Наверное, имеет смысл на самом деле задуматься о том, что мужской, женский патриотизм в принципе немного отличные и, соответственно, должны разделяться. Разные смыслы нужно нести разным целевым группам, говорить на разных языках. В том числе для того, чтобы объяснить им: «Что такое русская идея? Что такое родина? И зачем ее защищать? Что такое война? Почему мы воюем? Зачем мы воюем? И что будет, если мы эту войну проиграем?» В связи с этим можно как раз выстраивать образ, с которого я уже начинала, образ «града сражающегося», который сейчас ведет эту войну, здесь нечего стесняться, буквально с западными идеологическими программами, буквально с врагом человеческого рода. И если град, сражающийся сейчас здесь, на Земле, то есть его идеальное измерение, его небесная идеальная проекция, всё вместе соединяется, в том числе в этой самой патриотической деятельности, в жертвенности. То есть человек может собой пожертвовать и, скажем

так, сакрализовать самую деятельность людей на Земле, будучи уже сам фактически на небе. Эти все важные, глубокие, красивые образы можно было бы попробовать донести до людей и постараться объяснить им, что сейчас происходит. А не просто теоретизировать относительно того, как можно философски понять русскую идею.

Хотя это, безусловно, очень важно. Здесь нужно соединять и теоретический, в первую очередь философский, аспект с практическим, иначе мы просто всё больше и больше будем терять наши смыслы и окажемся поглощены этими самыми западными идеологическими программами. В том числе социальной философии, с которой я начинала. Наверное, будет полезно говорить о том, что патриотизм и идея как таковая, русская идея, должны быть в первую очередь направлены именно на построение будущего, соответственно, необходимы определенные яркие глубокие образы и символы, которые будут нести людям представление о том, какое это будущее будет. Если акцент будет сделан именно на этом, вполне возможно, мы действительно сможем если не полностью реализовать или как-то определить нашу русскую идею, то сделать ее смыслом социальной деятельности человека.

То есть русская идея, как и был назван мой доклад, смысл социальной деятельности человека. То есть не просто теоретическое представление о том, какая она есть, но ее самое настоящее практическое воплощение в современном обществе.